

ПЮРБЕЕВ Г. Ц.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ В ПАМЯТНИКАХ МОНГОЛЬСКОГО ФЕОДАЛЬНОГО ПРАВА XVII—XVIII вв.

Исследование грамматического и лексико-фразеологического своеобразия языка старописьменных текстов, относящихся к разным периодам и жанрам монгольской литературы, является особенно актуальным для монголистики. К настоящему времени в большей степени изучен лишь текст «Сокровенного сказания» — древнейшего памятника письменного творчества монголов (XIII в.). В связи с этим особого упоминания заслуживают монография Дж. Стрита, а также обстоятельные статьи Г. Дёрффера и М. Н. Орловской; см. [1—3]. В последние годы появились интересные и глубокие исследования по языку бурятских хроник и родословных и языку «Алтан тобчи» — крупного историко-литературного памятника монголов XVIII в. [4, 5]. Осуществлено описание морфологии и синтаксиса ойратского текста «Сутры золотого блеска» (XVII в.) — перевода с тибетского языка [6].

Однако существуют и другие памятники монгольской и ойратской письменности, не менее оригинальные по своему культурно-историческому содержанию, которые все еще остаются неизученными. В частности, богатый и ценный языковой материал содержится в таких широко известных источниках по социально-экономическому строю монголов и истории монгольского феодального права, как «Их цааз» («Великое уложение», или Монголо-ойратские законы 1640 г.) и «Халха джирум» («Законы Халхи», датированные разными годами, начиная с 1709 г. и кончая 1770 г.)

Лингвистический аспект изучения этих памятников имеет важное значение для решения проблем истории развития литературных монгольских языков, в первую очередь для правильного соотнесения данных классического монгольского и ойратского литературного языков XVII—XVIII вв. с соответствующими фактами живых современных монгольских языков и установления на этой основе линии их преемственности. Общая характеристика «Халха джирума» была дана в свое время Л. Д. Шагдаровым, который совершенно справедливо отметил, что стиль данного памятника вообрал в себя не только письменные традиции монголов в изложении официально-деловых документов, но и приемы народно-разговорной речи той эпохи [7]. Наблюдения над особенностями употребления фразеологии в текстах «Их цааз» и «Халха джирум» показывают, что разнообразные по своей структуре и значениям фразеологические сочетания обогащают язык памятников, придают им черты национально-культурной самобытности [8].

Вполне самостоятельный интерес представляет исследование функционально-стилистических признаков синтаксического строя юридических текстов, специфических черт их структурной организации, характера употребления разных типов конструкций, своеобразия экспликации формальной и смысловой связи компонентов сложных предложений.

Являясь образцами официально-делового стиля, тексты «Их цааз» и «Халха джирум» относятся к кодифицированным формам литературного языка, где вкрапления элементов разговорной речи продиктованы практическими задачами делопроизводства. Синтаксической нормой правовых текстов является преимущественное употребление коротких, «прозрачных» по своему строению предложений, что вызвано общей тенденцией к четкости, доступности и ясности изложения разнообразных правовых ситуаций и положений. Вот несколько характерных примеров из текста «Их цааз» [9] и «Халха джирум» [10] (далее — ИЦ и ХДЖ)¹: *Urgeen bolqula noyad deere žuqlaqu bolbo* (ИЦ 19, 44) «В случае тревоги (= если нападут) необходимо собраться в ставку князя»; *Nayi'i kümün ni qonila'i arikila'i ire-küdün-i öggügsen jaγuma öri ügei bui* (ХДЖ 24, 219) «За подарки, данные приятелю-найджи, приехавшему в гости с бараниной и вином, не следует требовать отдаривания»; *Elči kümüni naliqula yesü ab* (ИЦ 33, 45) «Если кто-то побьет посланца, с того взять девяток скота»; *Činua barıgsan sege-yi niγubasu tabu-bar torγa* (ХДЖ 5, 294) «Если кто скроет тушу животного, задранных волком, то штраф в один пяток скота».

Определенное своеобразие синтаксиса памятников создается эллиптическим характером предложений. В языке обследуемых текстов очень широко используется возможность опускать не только отдельные слова, но и целые словосочетания и синтаксические группы, значение которых восстанавливается из предшествующего контекста и общей обстановки речевого общения: *Јalaa geige qoyor tabutu. Saqalai qoi mori ab* (ИЦ, 118, 49) «Если кто сорвет у женщины кисть на шапке или дернет за косу, взять с него пяток скота. Если кто кому-нибудь выдернет бороду, то взять с него овцу и лошадь». В этих предложениях опущено слово *tasulqula* «если выдернет», смысл которого выясняется из предыдущей ситуации. *Čilaγu modu-bar řančibası nige yesü-tü, tasiγur nidurγu-bar řančibası tabudu bui* (ХДЖ, 17, 274) «Если кто ударит простолюдина камнем или палкой — один девяток, если ударит плетью или кулаком — один пяток». Здесь во избежание повтора опущена подлежащая группа слов *eng kümüni ken kümün*, «тот, кто простолюдин», которая легко восстанавливается из более обширного контекста. Еще один пример: *Unıqsanı üküküle berketei bosqo'i ab* (ИЦ 95, 48) «Если при этом погибнет лошадь, то она должна быть возмещена ценной вещью». В этом и последующем предложении опущено развернутое обстоятельство *tüγimer usun qoyortu tısalan gei*, которое являясь общим для всех однородных по составу предложений, представлено в предыдущем предложении: *Tüγimer usun qoyor-tu tısalan ge'i kümün üküküle*. . . (ИЦ 94, 48) «Если человек погибнет, спасая людей во время пожара или из воды...»

Неполнота предложений, невыраженность тех или иных членов, как главных, так и второстепенных, весьма типичны для языка изучаемых правовых памятников. В целом синтаксис текстов «Их цааз» и «Халха джирум» динамичен: он не обременен тяжеловесными конструкциями, лишен длинных периодов, столь характерных для других видов прозаических жанров.

Лексический объем предложений, в том числе и сложных построений, включающих большое количество однородных членов, варьирует в диапазоне от 4 до 85 слов. В частности, статьи законов о краже мелких вещей в тексте обоих памятников состоят из предложений, емкость которых

¹ Примеры приводятся в латинской транслитерации со ссылкой на соответствующую статью закона и страницу источника.

составляет, примерно, 70—80 лексических единиц. Лишь иногда протяженность отдельных предложений превышает указанные цифры, что можно проиллюстрировать следующим примером: *Aduyusu qanaŋu idegsen, morin-u segül oŋtaluyŋsan, aduyusun imlegsen ba ėimkegsen, güyiced tas, bürgüd, em-e kümün-ü jalay-a tasuluyŋsan, qaiayar emegel, dörüge, ėidür, ooli, süke, küŋübċi, süyike, serege, caril, kürġe, aluq-a, örolbi, döŋši, körüge, büse, tarbayan daqu, debel, kürme, bös degel, cuba, köngġil, nekei degel (cuba), ilgen degel, auji, bulyairi, kibes, ükeg, abdar, qobtu, kei boroyan-du uruydayŋsan qonin-u ungyasu, jes, yauli, temür (jabiy-a-iyar kigsen) jabiy-a temür qubin, temürlegsen dombo, qubin (jes, yauli), tuŋulyan (yurban-iyar kigsen) kökür, toryan camca, toryan debisker, dörügütei toryan der-e, güyiced cardamal, cemben debel, qayaly-a, ariyatan-u arasu, eden-i jerge nige yisutu* (ХДЖ 33, 169—170) «За использование в пищу крови лошади, добытую у нее путем вскрытия жил, отрезание конского хвоста, мечение уха и холощение лошади; за кражу крыльев грифа, беркута; за срезание кисточки на шапке у женщин; за кражу узды и седла, стремян, треноги, мотыги, топора, нашейного украшения (*хузубчи*), серег, вил, пеньи, лопаты, молотка, клещей, наковальни, пилы, кушака, дохи из сурка, шубы, куртки (*журмы*), халата, дождевика, одеяла, овчинной шубы, замшевой шубы, безрукавки (*ууджи*), кожи юфтевой (*булгайри*), ковра, шкафчика, сундука, короби для стрел, овечьей шерсти, побывавшей под дождем и ветром, медного, латунного или железного чайника, ведра железного, кувшина или ведра, отделанного железом, медной, латунной или оловянной фляги, шелковой рубахи, шелковой подстилки, шелковой подушки с отделкой, суконной шубы, двери, шкуры хищного зверя и тому подобного — штраф в один пяток (скота)».

Аналогичное по содержанию и объему предложение имеется и в соответствующей статье кодекса законов «Их цааз» (см. ИЦ 178,54). Средняя же длина предложений в текстах памятников колеблется в пределах 15—25 слов. Наиболее распространенными типами простого предложения являются односоставные обобщенно-личные и безличные, которые выступают обычно в качестве главной части сложноподчиненных предложений. Такое явление объясняется тем, что действия, о которых говорится в статьях законов, носят обобщенно-обезличенный характер, поскольку они как декретирующие акты должны распространяться на неопределенное множество лиц.

Специфика обобщенно-личных предложений, представленных в текстах памятников, заключается в том, что их сказуемые ограничены в своем выражении отдельными повелительно-желательными формами, а именно: морфологически «нулевой» формой 2-го л., равной основе, формами 1-го л. на *-ja*, *-je* и *-tuŋai*, *-tügei*: *Setertü mori unuqula mori a'* (ИЦ 27,45) «Если кто сядет верхом на освященную лошадь, то взять с него лошадь» *Kerbe ügeyitei noyon boluyad mal-ni ġayu esg güyideküle albatu-aca ġayun mal güyicegeŋi bariy-a* (ХДЖ 2,126) «Если нойон окажется неимущим и его стадо не насчитывает ста голов, то взыскать недостающий скот с его подданных: *Ĵaryuċi kümün ġaryu yurba buruŋ qayalqula nurtuŋai* (ИЦ 13,53) «Если судья три раза вынесет неправильное решение, то он должен быть отстранен от обязанностей». Следует заметить, что форма консессива на *-tuŋai*, *-tügei*, являясь книжной, в халха-монгольском языке употребляется редко — только в воззваниях и обращениях. В безличных предложениях сказуемое чаще всего выражается причастием буд. времени (со связкой и без нее), именем существительным, субстантивированным числительным и наречием: *Elċi kümün. . . kümün-i mori*

temege abčibasu gedürge qolbuçatai ögekü bui (ХДЖ 19,42) «Если посланец уведет коня или верблюда, то должен вернуть обратно хозяину с причаей»; *Elči jam-dayan kümün-i şoy-iyar jodaqula köl-tü* (ХДЖ, 14,140) «Если посланец побьет из озорства кого-либо в пути, то штраф в один *кул*» (нога, стегно)» *Ete kümünei üsü jalaa tasulqula ye s ü* (ИЦ 120,49) «Если кто вырвет волосы у женщины или сорвет у нее кисть на шапке, взять с него девятку скота»; *Ečiçe köböñgee eši beree surçan nalıqula çai ŋgei* (ИЦ 42,46) «Если побьют отец своего сына или свекровь свою невестку в порядке иравоучения, то вины в этом нет».

Полипредикативные конструкции в текстах памятников не отличаются чрезмерной разветвленностью структурно-смысловых центров, в них отсутствует многоступенчатая зависимость частей, затрудняющая восприятие главного — сути статьи закона. Вот обычный случай последовательного подчинения трехчастной полипредикативной конструкции, в которой первую позицию занимает причастный оборот, вторую — деепричастный, третью — главное предложение: *Dayisun ayıl talaıi adou köeıi yabuçanı ken kümün aldouqula ed mali qaçaslaya* (ИЦ 21,44) «Тому, кто отобьет у противника награбленное ич в аилах имущество и угоняемый табун лошадей, дать половину имущества и скота».

В сфере синтаксиса изучаемых текстов превалируют подчинительные (гипотактические) отношения, особенно условно-следственные, которые во многом определяют тип построения памятников, их синтаксический рисунок. Именно конструкция, более или менее осложненная и распространенная, с отчетливо выраженным значением условия, является «классической формой выражения статьи закона» [11]. Формулировка ее должна обязательно включать как минимум две части: обозначение той или иной жизненной ситуации и обозначение вытекающего из нее правового предписания [12]. При этом универсальным средством субординации компонентов полипредикативной конструкции выступают такие неличные формы глагола, как деепричастия на *-basu*, *-besü* и *-qula*, *-küle*, которые формируют условный оборот, несущий основную информативную нагрузку. Исключительно важная роль оборота в составе синтаксической конструкции подчеркивается и тем, что он имеет свой субъект, который нередко является общим и для главного предложения и который бывает оформлен не в вин., а в им. падеже: *Mongğol oyiradtu dayisun irebesü...* (ИЦ 7,44) «Если враги нападут на Монголию и Ойратию...»; *Ulayači ulaya-ban qulayai kibesü...* (ХДЖ 10,136) «Если ящик украдет для себя подводу...» Деепричастия на *-basu*, *-besü* и *-qula*, *-küle* в современном монгольском языке отсутствуют. Ср. калм. форму на *-вас*, *-вас*. Условное деепричастие на *-basu*, *-besü* преобладает в «Халха джируме», а в «Их цааз» оно встречается только в первых 10 статьях. Для монголо-ойратского уложения характерно употребление оборотов с деепричастием на *-qula*, *-küle*. Примечательно и то, что в ойратском тексте имеют место случаи, когда значение условия передается перфектным претеритом на *-ba*², а также архаической формой причастия будущего времени на *-qun*, *-kun* с показателем местного падежа *-a*: *Asaraltai bayıtala ese asaraba gem* (ИЦ 4,52) «Если он был в состоянии прокормить бедных, но не прокормил, то вина его»; *Otogiyın aqalaqčini ese jakıba gem otogiyın agalaqčidu boltuçai* (ИЦ 2,52) «Если староста отока не наказывал поступать так, то вина ложится на него»; *Kerbe kümün bederge qudaldajı abquna...* «Если

² Подобное явление обнаруживается в Гэсэрпаде, на что указывал Г. Д. Саянцев [13].

кто-то берет что-либо в порядке взятки...»; *Nuuŋi oŋi qudalduquna qolboa-toi ab* (ИЦ 5,53) «А кто совершит подкуп тайно, с него взять штраф в двойном размере». Форма будущего причастия на *-qun, -kun* активно употребляется в «Сокровенном сказании», однако не в обстоятельственной функции, а в атрибутивной и предикативной [3, с. 112—114]. В «Халха джируме» зафиксирован всего лишь один случай употребления данной формы, которая в отличие от ойратской выступает с аффиксом дательного падежа *-du*: *Gaqča qulaŋaiči-yin jala qorin boda-ača ɣargun-du tabu* (ХДЖ 18,159) «Если штраф в двадцать бодо причитается с одного вора, то выделить из них на судебные издержки пяток».

В текстах рассматриваемых памятников сочинительные и подчинительные отношения нередко выражаются с помощью союзных средств. Из сочинительных союзов наибольшей продуктивностью отмечен союз *ba* «и», соединяющий однородные члены предложения: *Ede mal-i-inu abubasu ba jančibasu...* (ХДЖ 31,223) «А если кто нападет и отберет его имущество...»; *Noyian ba töröl-anu joliŋu abqu bolbasu* (ХДЖ 7,191). «Если нойон и родственники пожелают выкупить...». Из других сочинительных союзов в текстах обоих памятников встречаются *boluɣad, kiged* «и», *ese bögesü* (*ese bögesü*), *ese geküle* «или же, иначе, в противном случае»: *Jüngken boluɣad qayan beye-ber qamıɣ-a ögede bolqula...* (ХДЖ 7,132) «В случае поездки ханши-джүнкэн и хана, куда бы они ни следовали...»; *Ariyun šašin kiged amitan-u tusa-yi... üyiledetün* (ХДЖ 1,187) «Творите благо во имя святой веры и живых существ»; *Jüg mör oruulqula ayiliyin aqayini šaqa ese bögesü qulaqai kegsen kümüni čaafilaqu bolbo* (ИЦ 101,48) «Если известно направление следа, то привести к присяге старосту айла или же наказать вора»; *Qara beye bögesü abči jabuɣči kümün noyon sayid-ɣayan tušiyaŋi ömči ög ese geküle kögeŋi orki* (ХДЖ 2,237) «Если это одинокий человек, то приютивший, сообщив нойонам и сайтам, пусть наделит его собственностью или прогонит прочь».

В подчинительных конструкциях довольно частым является союз *kerbe*, который ставится в начале условного оборота и чаще встречается в «Халха джируме», чем в «Их цааз»: *Kerbe ɣarču odqu bogesü über-iyen oloqsan tatalɣa ügei* (ХДЖ 13,252) «Если пожелает уйти, то может забрать все лично заработанное без обложения»; *Kerbe sonosıi bayıŋi ese keleküle uridu čaafiyin yosoor boltuɣai* (ИЦ 20,44) «Если кто, зная об этом, не известит, наказывать по предыдущей статье уложения». Несколько реже употребляется условный союз *bögesü* «если», замыкающий оборот: *Ögli-geyin eŋen-ü buruɣu bögesü...* (ХДЖ 15,254). «Если же будет виноват милостынедатель...». Значительное место занимают в текстах полипредикативные структуры с местоименными союзными словами соотносительного типа: *kedüi...tödüi* «сколько... столько», *ken... tegün-eče* «кто... с того (у того)», *jaɣu... tegün-iyen* «что... то», *jaɣuma-bar... tegüber* «чем... тем» и др.: *Kürgeŋi ireküle k ed ü n saadaɣ bögesü tödüi köl möriyini ab* (ИЦ 166,51) «Тому, кто приведет беглых к своему князю, дать столько лошадей, сколько было у них колчанов»; *Naaduqsanaasa ulam kümün üküküle kedüi bolqula tödüi köl mori ab* (ИЦ 125,49) «Если во время игр убьют человека, то взять столько лошадей, сколько было участников в игре»; *Ebečin kümüni emneŋi edegeküle yon amalagsan bolqula tödüi ög* (ИЦ 147,50) «Тому, кто вылечит больного, следует дать то, что было обещано»; *Ken kümün elči-dü ariki ögküle tegün-eče šiduleng qoni ab* (ХДЖ 22,143) «Если кто даст посланцу вина (араки), то взять с того барана-трехлетку»; *Tüšigülegči kümün jaɣu ögügen bolqula tegün-iyen abqu* (ХДЖ 1,236) «Покровитель берет обратно то, что давал беглому»; *Urıda qamıɣa-ača iregsen*

bögesu tere жүг-тү ану қарыул (ХДЖ 17,255) «Вернуть его туда, откуда он прибыл»; *Ariyun kümün -i jambar jaγuma-bar güjirleküle tegüber torγaγu bui* (ХДЖ 30,167) «Если кто-то наведет поклеп на невинного человека, то взыскать с него те вещи, которыми он опорочил невинного».

Несколько замечаний относительно линейных отношений членов предложения в анализируемых текстах. В целом словопорядок является здесь обычным, однако некоторые факты нуждаются в пояснении. Так, например, лично-местоименное подлежащее встречается после сказуемого: *Oündü ese keled qoyino eyimi teyimi belei ge'i keleküle uurlaγu bi* (ИЦ 8,53) «Если кто, не сказав теперь, будет говорить впоследствии, что „было бы лучше так и эдак“, то я буду очень сердиться». В бурятском и калмыцком языках такого рода подлежащие превратились в лично-предикативные частицы. Следует также сказать, что подлежащие не сопровождаются какими-либо специальными показателями. Вообще употребление модальных слов, частиц, сказуемостных связок избегается ввиду того, что они нарушают строгость и лаконизм изложения законов. Исключение составляет логическая частица *čigi*: *Mal-un e'en kedüi olan čigi bolba* (ХДЖ 21,161) «Как бы ни многочисленны были хозяева скота».

Глагольное сказуемое, выраженное повелительно-желательными формами, встречается в неконечной позиции: *Jaryatu kümün γurbanta ke-le'i sayin gerčitei odii kele, ese bolgula moriyini abči ire elčitei* (ИЦ 180,51) «Истец должен трижды известить и затем с хорошими свидетелями прибыть в суд и заявить. Если ответчик не явится, то послать за ним и привести его лошадь вместе с посланцем». *Erte-eese quraagsan sayin buyani... erel küsel ögün ilγatuγai oroi deere* (ИЦ 18,53) «Удовлетворяя просьбы и пожелания, ниспослы издревле собранные в тебе добродетели на нас» (букв. «на наши головы»).

С целью логического и смыслового выделения косвенное дополнение может находиться в непосредственной близости от сказуемого, тогда как прямое дополнение сознательно отдаляется от него: *Jil büri döčini dörbön ger köböündü abči ögtügei* (ИЦ 59,47) «Ежегодно из сорока кибиток четыре должны женить своих сыновей». Видимо, по этой же причине определение и определительные группы слов иногда выносятся за свои определяемые. Как известно, постпозитивное положение определения характеризует язык монгольских и ойратских переводов, где оно представляет собой кальку с тибетского [6, с. 14]. В тексте «Халха джирум» мы столкнулись с интересным примером постпозиции определительных сочетаний: *Qan kümün-i ükin abay-i qaraču kümün süyilekü bögesü čaγan teme mönggün buyilatai mori bulγan molčogtai, mönggun ayay-a ariki-bar dügürgegsen... eden-iy er süyilegsen-i süi-dür toγačamui* (ХДЖ 15,215) «Если простолюдин пожелает вступить в брак с княжной, дочерью человека ханского звания, то признать помолвку, если он принесет в дар белого верблюда с серебряным кляпом в носу, белого коня с собольим подшейником, серебряную чашу, полную вина». В этом предложении определительные сочетания *mönggün buyilatai* и *bulγan molčogtai* следуют за своими определяемыми *teme* и *mori*, а причастное определение *ariki-bar dügürgegsen* — за определяемым *ayay-a*. Постпозиция определительных сочетаний в данном случае объясняется, на наш взгляд, не только их семантической актуализацией посредством логического ударения, но и тем, что все определяемые здесь уже имеют перед собой определения *čaγan* и *mönggün*, обозначающие самые существенные признаки перечисляемых предметов. Все указанные выше перемещения членов предложения характерны для устной речи носителей монгольских языков.

Таким образом, предварительный анализ памятников монгольского феодального права XVII — XVIII вв., какими являются «Их цааз» и «Халха джирум», показывает, что в их синтаксическом строе выделяются две группы явлений. Одна из них сближает язык юридических текстов с народно-разговорной стихией, а другая — разъединяет и противопоставляет их, свидетельствуя о каноническом, устоявшемся характере официально-делового стиля и литературных нормах старописьменного языка халха-монголов и ойратов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Street J. The language of the secret history of the Mongols. New Haven. 1957.
2. Doerfer G. Beiträge zur Syntax der Sprache der Geheimen Geschichte der Mongolen // Central Asiatic journal. 1955. V. 1. Nr. 4.
3. Орловская М. Н. Употребление причастий в «Сокровенном сказании» монголов // Филология и история монгольских народов. М., 1958.
4. Цыдендамбаев Ц. Б. Бурятские исторические хроники и родословные. Историко-лингвистическое исследование. Улан-Удэ, 1972.
5. Орловская М. Н. Язык «Алтан тобчи». М., 1984.
6. Яхонтова Н. С. Ойратский литературный язык XVII века (по материалам «Сутры золотого блеска»): Автореф. дис... канд. филол. наук, Л., 1983.
7. Шагдаров Л. Д. «Халха джирум» как образец документально-делового стиля старописьменного языка монголов // Олон улсын монголч эрдэмтний III их хурал. 2-р. боть. Улаанбаатар, 1977.
8. Пюрбеев Г. Ц. «Их цааз» и «Халха джирум» как источники исторической фразеологии монгольских языков // Всесоюзная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения академика Б. Я. Владимирцова: Тез. докл. М., 1984.
9. Их цааз (Великое уложение). Памятник монгольского феодального права XVII в. Ойратский текст/Транслитерация сводного текста, перевод, введение и комментарии С. Д. Дылыкова. М., 1981.
10. Халха джирум. Памятник монгольского феодального права/Сводный текст и перевод Ц. Ж. Жамцарано. Подготовка текста к изданию, редакция перевода, введение и комментарии С. Д. Дылыкова. М., 1965.
11. Якубинский Л. П. История древнерусского языка. М., 1953. С. 296.
12. Десницкая А. В. О синтаксических особенностях кодекса обычного права северно-албанских горцев («Капун Леки Дукаджина») // Синтаксические особенности литературных языков на ранних этапах их формирования. (На материале индоевропейских языков). М., 1982. С. 187.
13. Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. М., 1963. С. 242.